

АЛЕКСАНДР АННЕНСКИЙ

18+

ПЕРЕМЕНЫ
и переменки

Александр Анненский

Перемены и перемены

«Автор»

2026

Анненский А.

Перемены и переменки / А. Анненский — «Автор», 2026

Шестнадцатилетний Артём не ждёт от нового учебного года ничего хорошего. Уроки, дежурства, контрольные, лучший друг переехал в другой город – как тут не впасть в уныние? Вдобавок на его месте теперь сидит новенькая – тихая и загадочная Аня. Поначалу её присутствие злит Артёма, но постепенно между подростками завязывается дружба, а потом и нечто большее. Их ждёт немало перемен и открытий, в том числе не слишком приятных. Кто первым проявит характер? Как они будут справляться с проблемами? И к чему приведёт попытка манипулировать человеком, который стал по-настоящему дорог?

© Анненский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

***	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Перемены и переменки

Тёма был абсолютно уверен, что тридцать первое августа — самый мерзкий и отвратительный день в году. Он проснулся от этой мысли и долго валялся на диване, с каждой минутой всё глубже погружаясь в уныние. Лето вот-вот кончится, завтра в школу — снова эти дурацкие уроки, контрольные, домашние задания... Возвращаться к рутине и строгому режиму после долгих каникул каждый раз было сложно. Первые две недели он страдал: не слушал учителей, лежал головой на парте во время перемен, с трудом заставлял себя есть и мыться. В середине сентября хандра сходилась на нет, Артём вспоминал, что любит учиться, и всё налаживалось. К несчастью, этой осенью прийти в себя будет сложнее обычного — лучший друг Петя уехал с семьёй куда-то в район Мурманска. Тёма пытался связаться с ним, но номер оказался заблокирован — скорее всего, Петя потерял мобильник. А может, сменил сим-карту и позабыл приятеля? Выбросил из жизни, как исписанный черновик, к которому противно прикасаться... Артём злобно стукнул кулаком по подушке и встал. Хотелось что-нибудь сломать, наорать на кого-нибудь или даже подраться. Он прислушался: из комнаты брата не доносилось ни единого звука. Небось качается на качелях во дворе, и всё ему нипочём! И почему этому мелкому сопляку никогда не бывает плохо или хотя бы скучно? Хлопнув дверью, Тёма вышел в коридор, прошлёпал в ванную, врубил холодную воду. Колочие струйки отвлекли его, заставили ни о чём не думать. Увы, эффект оказался недолговечным: после душа снова накатила хандра. Артём заглянул на кухню, обшарил холодильник. Вчера вечером мать запекла свинину — на нижней полке лежал свёрток из фольги. Внутри был солидный кусок краешка без жира — именно эту часть он любил больше всего. В дальнем углу скучала открытая банка сгущёнки. Тёма вылил её в кружку с горячим растворимым кофе, нарезал хлеб и мясо. Четыре бутерброда спустя он смирился с неизбежным и после завтрака принялся собираться. Форму в школе так и не ввели, хотя и грозились — вытащил новые джинсы, светлую кофту, футболку. Чистых носков оказалось мало — пришлось собирать грязное и запускать стиральную машинку. Пока она крутилась, Артём выбросил в ведро мелкий мусор с пола и навёл порядок. Убираться ему не очень-то нравилось, однако он давно понял, что это помогает собраться с мыслями и остыть. Мама успокаивалась точно так же: если возникали проблемы на работе, она принималась наводить чистоту. Тёма вспомнил, с каким зверским лицом родительница вытирает пыль, и рассмеялся. Сложил в рюкзак учебники, тетради, пенал, развесил постиранные вещи. Посмотрел на компьютер, прикинул — пару часов можно поиграть, потом надо загнать брата домой и накормить супом. Сел на стул, нажал кнопку на системном блоке, пощёлкал мышкой. Выполнял ежедневные задания, победил сезонного босса, перебрал арсенал. Глаза начало пощипывать — он отвлёкся от монитора и посмотрел на экран телефона. Организм, как обычно, утомился вовремя: до будильника оставалось пять минут. Это было скорее хорошо — Артём не хотел превращаться в диковатого неопрятного чудака, помешанного на играх. Он помассировал затылок, выключил комп и пошёл на улицу. Гарика на качелях не оказалось — он раздобыл где-то кусок мела и самозабвенно творил, стоя коленями на асфальте. Тёма пристроился рядом, склонил голову:

— Тебе не надоело? Всё лето чиркал в альбоме.

— Но это не так, как в альбоме! Асфальт не бумага, с него линию просто так не сотрёшь, да и размеры другие. Знаешь, что такое монументальная живопись? Её изучают только в академии, но мне захотелось попробовать прямо сейчас.

Гарька научился рисовать раньше, чем говорить. В четыре он объявил, что станет художником, и уже шесть лет шёл к поставленной цели. Отец поначалу не одобрял увлечение сына,

но когда получил на день рождения свой портрет — быстрый, схематичный, хирургически точный — попыхтел, подумал и отстал от юного творца. Гарика переселили в отдельную комнату, купили ему мольберт, краски, карандаши, записали в художественную школу. Учителя относились к самородку по-разному: кто-то захваливал, кто-то придирался сверх меры. Он быстро разобрался, какие слова можно смело пропускать мимо ушей, и запоминал только полезное: как правильно штриховать, что делать с перспективой, и так далее. Артём над братом посмеивался, но в глубине души немного завидовал его таланту и упорству. Он понаблюдал ещё немного, потом сел на корточки и тронул Гарика за плечо:

— Заканчивай. Домой пора.

— Угу, — брат замкнул линию и отряхнул ладони. — Я хотел, чтобы получилась птица. Можно мы поднимемся на третий или четвёртый этаж и посмотрим, как вышло?

Тёма пожал плечами:

— Ну давай, — они дошли до подъезда, затопали по лестнице. Остановились на межэтажной площадке, подоברались к стеклу. Видно было не очень хорошо, однако сходство с большой белой вороной явно присутствовало.

— Более-менее. Потом ещё раз попытаюсь, — решил Гарька и дёрнул брата за штанину. — Я есть хочу. Что у нас на обед?

— Обед ты пропустил, а ужинать будешь супом. Мама сварила белые щи.

— С курицей или с говядиной?

— С курицей.

Гарик скривился:

— Опять эти шнурочки. Гадость, — брат утверждал, что его тошнит от вкуса мелких сосудов, изредка попадающих в толще грудки. У Тёмы таких проблем не возникало — он насмешливо фыркнул:

— Не нравится — жуй чёрствый хлеб, — беззлобно переругиваясь, они спустились к себе на второй. Артём погрел щи, вымыл три яблока с дачи. Они пахли кисловато-сладкой свежестью и летним солнцем. Он откусывал здоровенные куски, глотал их, почти не жуя, Гарик же разрезал своё яблочко на восьмушки, убрал плёнки, семечки и хвостик, аккуратно разложил дольки на тарелке и клевал по одной. Замок во входной двери громко щёлкнул, послышался мамин голос:

— Я дома! Кто хочет пончик с кремом?

Тёма знал, что просто так лакомство не дадут, но всё равно подошёл к ней. Мама передала ему два шуршащих пакета:

— Отнеси в кухню и разложи. Выпечка лежит сверху. Вы поели?

— Ага.

Сумки оказались ужасно тяжёлыми: мать всегда притаскивала из магазина кучу еды. Надолго продуктов не хватало — у всех в семье был хороший аппетит. Каждый вечер на плите что-то жарилось или тушилось, в духовке томились пироги и запеканки. Гарика и Артёма тоже привлекали к готовке: они чистили и резали овощи, снимали пену с бульона, а иногда даже подсказывали матери, какие приправы пора добавить в блюдо. Распределив припасы по кухне, Тёма выбрал круглый толстый «берлинер» и в два счёта справился с ним. Мама ворвалась в помещение, погладила по голове младшего сына, протянула руку к старшему — он демонстративно закатил глаза. Она показала ему язык и надела фартук. Вытащила фарш, лук, мотнула головой в направлении ящика. Артём покорно встал к рабочей зоне, взял нож:

— Мелко?

— В труху. Ты рубашку погладил?

— Какую ещё рубашку?

— На завтра. Первого сентября надо выглядеть хорошо.

— Зачем? Я и так красивый, — буркнул Тёма. — Можно пойти в кофте?

— Нельзя. Ладно, раз ты не догадался, я поглажу. Зажарь фарш и приготовь макароны, потом поставь вариться говядину и нашинкуй капусту — надо её использовать, пока не завяла. Сделаю вам пирогов.

Маленькие овальные пирожки Артём очень уважал, поэтому не стал ныть. Поскрёб рукой скулу, сунул лезвие под холодную воду. Мать оглядела его с ног до головы:

— И когда ты успел так вырасти? Утром не забудь побриться. Надеюсь, за лето ты не разучился это делать, — говорила она строго, но глаза у неё улыбались. Артём скорчил недовольную рожу:

— Ещё и бриться... Давай скажем классухе, что я готовлюсь поступать в семинарию и отращиваю бороду. А может, мне и правда туда пройти? Как тебе идея, мам? Будет у тебя сын-священник и сын-блаженный дурачок — круто же, да?

— Будешь издеваться — выгоню обоих и рожу себе девчонку, — пригрозила мать. — Всё, хватит болтовни. Трудись, отпрыск.

Готовка отняла у Тёмы весь вечер. В девять вернулся отец — тихо разулся, вымыл руки, поймал пробежавшую мимо жену за локоть. Смотреть, как родители целуют друг друга, Артём не стал — отвернулся к плите. Папа зашёл на кухню, собрал себе поужинать и тяжело опустился на стул: после работы он всегда был неразговорчив, да и в целом больше делал, чем болтал. Закончив с едой, вздохнул, откинулся на стену и обратился к сыну:

— Грустишь по лету?

— Типа того, — кивнул Тёма. Отец прикрыл глаза:

— Бывает. Я тоже в юности не любил это время. Справишься?

— Куда я денусь. Жалко только, что Петьки теперь не будет, — Артём выключил плиту и бросил ложку в раковину. — Пап, мне уже пора. Завтра вставать рано.

— Посуду помой, — пришлось орудовать губкой. В десять Тёма наконец попал к себе. Почитал книжку, прошёл пару уровней в телефонной игрушке и лёг. Совсем скоро он увидится с одноклассниками, расскажет, чем занимался на каникулах — может, печаль немного развеется? И на девчонок полюбуется — наверняка придут красивые, кудрявые, в туфельках на высоких каблукках, коротких юбках и обтягивающих блузках. Будут трещать не умолкая, пока классная не прикрикнет, а потом... Что произойдёт потом, он уже не додумал — заснул. Будильник прозвенел через восемь часов, но по ощущениям — спустя несколько минут. Родители давно встали, позавтракали и собирались на работу. Из дома они выходили одновременно: мать начинала в восемь и добиралась до офиса пешком, отец ехал на машине к девяти. Артём привёл себя в порядок, выпил чаю с пирогами и вместе с братом поплёлся в школу. Она располагалась в соседнем дворе — большое здание в виде несимметричной «Н». На площадке перед входом уже стояли дети, родители и учителя. Гарька увидел своих и побежал, Тёма огляделся и тоже заметил неподалёку знакомые лица. Выпрямился, расстегнул утеплённую джинсовку, расправил плечи. Старый приятель Вовка Киселёв шагнул навстречу, протянул руку:

— Здорово, Кузьмин! Где пропадал всё лето? Не видел тебя во дворе.

— Мы с братом были в деревне, у папиной сестры.

— Скучал небось?

— Да нет, не особо, — Артём ненадолго задумался. — Там хорошо, всё есть: речка, лес, бетонка. Я и на велике гонял, и за дикой малиной ходил, и купался. С местными ребятами подружился — классные оказались, хоть и моложе на год-два.

— А девчонки были?

— Да. Две или три.

— Симпатичные?

— Вроде как. Я не приглядывался.

— И кадрить не пытался, да? Эх, Тёма, когда ж ты повзрослеешь, — Вовка похлопал его по плечу. — А я с такой цыпочкой познакомился — ножки, талия, грудь третьего размера! Сам себе завидую! Сегодня идём в кино, а потом как получится.

— Удачи, — равнодушно бросил Артём. Чужие амурные похождения его не интересовали. Они поболтали ещё немного, потом к группе присоединились девушки, подняли гвалт, и нормально говорить стало невозможно. В восемь двадцать началась линейка. Слушать директрису было скучно — Тёма потихоньку вытащил телефон, переместился в задние ряды и запустил головоломку. Когда все задвигались к крыльцу, он, не поднимая головы, зашагал вперёд. Ненадолго «завис» в гардеробной, проходя сложный уровень, и вошёл в класс одним из последних. Перевёл мобильный в беззвучный режим, посмотрел вперёд:

— Что за дела?

На его месте — первый ряд от окна, вторая парта, слева — сидела незнакомая девушка. Артём возмущённо засопел и решительно двинулся к ней. Шумно опустил рюкзак на пол — она повернулась:

— Доброе утро. Ты мой сосед? Меня зовут Аня, — голос у неё был негромкий и приятный. Тёме расхотелось орать, но и сдаваться без боя он не желал:

— Я Артём. Раньше рядом со мной сидел Петька, мой друг. Тебе, наверное, велели занять его место. Только оно у прохода, а не рядом с окном. Пересядь, пожалуйста.

— Не могу. Я левша, — девушка pokrutila кистью. — Если устроюсь справа, мы будем друг другу мешать.

— Ты уже мне мешаешь, — Тёма надулся и плюхнулся на жёсткое деревянное сиденье. Вошла Таисия Львовна — классный руководитель. Подростки замолчали и неохотно поднялись. Учительница кивнула:

— Садитесь. Надеюсь, вы все хорошо отдохнули и готовы к учёбе. Десятый класс — стартовая линия, впереди долгий и трудный путь длиной в два года. Для начала скажу вот что... — она не любила переливать из пустого в порожнее — за полчаса напомнила о правилах, сообщила новости, раздала поручения. В конце классного часа объявила:

— Вы, наверное, заметили: к нам пришла новенькая. Её зовут Шанина Анна. Аня раньше училась в сто третьей школе — это в соседнем районе. Вы уже не дети — надеюсь, обойдётся без ссор и драк, — Таисия Львовна зыркнула на Тёму. — Кузьмин, не делай такое лицо. Тебе будет полезно дамское общество.

— Нафиг нужно, — прошептал он и скосил глаза на Аню. Она смотрела в сторону и не отреагировала на его реплику — видно, просто не услышала. Прозвенел звонок, ребята сорвались с мест, побежали кто куда. Следующим уроком стояла алгебра, преподаватель с ходу дал новую тему, и злиться стало некогда. Геометрия, биология, литература, экономика — к половине третьего он чувствовал себя жмыхом от апельсина. После уроков ребята предложили погулять, но Тёма отказался и пополз к дому. Впихнул в себя тарелку макарон по-флотски, поставил таймер на два часа и улёгся. Дневной сон помог дожить до вечера. Сегодня мать ужинала с ними, и как только её тарелка опустела, посыпались вопросы:

— Как первый учебный день? Что нового?

— Нормально. Ничего.

— К тебе кого-то посадили? Петя ведь переехал.

— Могла бы и не напоминать. Меня сдвинули к проходу, а на моём месте теперь новенькая.

— Девочка? И как она тебе?

— Не знаю, мы почти не разговаривали и не пересматривались. Я заметил только, что от неё вкусно пахнет — какие-то фруктовые духи. Сладкие такие, но совсем не резкие и не противные, — как только он это сказал, перед глазами возник Анин профиль. — Вроде бы

она не очень прыщавая, и волосы длинные. Раз сидит за второй партой, значит, невысокая или плохо видит, но очков на носу не было. Или я их не заметил?

— Возможно, она носит контактные линзы. Спроси при случае.

— Делать мне больше нечего. Мам, в этом году опять откроют литературный кружок. Я запишусь?

— Сколько раз в неделю? Учти, на выходных я разморожу твой абонемент в бассейн.

— Знаю. Эти занятия не мешают тренировкам: мы будем собираться по субботам после шестого урока, а плавать я планировал по вторникам, четвергам и воскресеньям.

— В таком случае я не возражаю. Вам говорили что-нибудь о подготовке к экзаменам?

— Ну так... Велели подумать, какие предметы хотим сдавать помимо основных.

— И ты подумал?

— Пока нет, — Артём заметил, как она сдвинула брови. — Чего ты хмуришься? Я ещё не решил, кем хочу стать — у меня нет никаких особых талантов. Разве что доводить вас с папой до белого каления.

— Это умеют все подростки, не переживай. Насчёт выбора профессии тоже — так уж и быть, дадим тебе время до начала мая. Попытайся понять, к чему лежит душа: нам с папой нужно будет найти хороших репетиторов.

А если выяснится, что душа ни к чему не лежит? Вслух он, конечно, этого не сказал — покивал с умным видом и утёк к себе. Упал на диван лицом вниз, сунул руки под подушку. Почему все взрослые вокруг твердят, что надо поскорее определяться? Ему ужасно сложно это сделать: он хорошо успевает по всем предметам, тянется к знаниям, легко усваивает новое, однако ни к чему не имеет явной склонности или таланта. Ну, алгебру с геометрией понимает, и с физикой всё хорошо, но вторым Эйнштейном или Эйлером ему не стать. Биология или химия? Интересно, но не цепляет. История и обществознание мимо, рисование с пением в пролёте, иностранный язык, литература... Внутри на мгновение потеплело. Конечно, ему нравится читать, писать сочинения и кое-что своё, художественное, но на книжках ведь не заработаешь! Или да? Тёма попытался представить себя писателем, однако быстро сдался — это всего лишь хобби, оно никогда не станет ремеслом. И как тут решить? Вот бы получить от вселенной какой-нибудь знак! Хорошо верующим — они могут перевалить часть ответственности на своих богов. А может, и ему стоит? Пойдёт в воскресную школу, благо, храм близко, обзаведётся духовником, попросит совета. Придётся выучить пару десятков молитв и по полгода не есть скоромного, зато... Желудок возмущённо заурчал, Артём прыснул и выбросил из головы нетипичные для себя мысли. Хватит ломать голову и мучить себя — маяться будем в мае, как и положено. Успокоившись, он сбегал по своим делам, почистил зубы и разложил постель. В комнате было холодно — укрылся и одеялом, и мягким тяжёлым пледом. Батарей включат через месяц, и до этого момента придётся носить дома колючие шерстяные носки. Кто-то говорил, в аптеке продаются маленькие соляные грелки — ими можно согревать руки. Побольше чая, поменьше мороженого — как-нибудь выживу, подытожил Артём и закрыл глаза. Впереди у него была короткая, но тяжёлая учебная неделя.

Втянуться в прежний ритм оказалось трудно, но иного он и не ожидал. С Петькой адаптация прошла бы быстрее: друг вечно во что-то ввязывался и тащил с собой Тёму, чтобы поскорее его расшевелить. Увы, сейчас Артёму приходилось играть в Мюнхгаузена, и получалось так себе. Он не мог ни на чём сосредоточиться, плохо спал и на первой проверочной работе по алгебре решил всего шесть заданий из десяти — минимальный уровень для четвёрки. Хотел поднять руку и сдать листок, но вдруг получил лёгкий тычок в бок от соседки. Аня незаметно передала ему записку, Тёма закатил глаза, но всё-таки развернул бумажку. «Ты ошибся в пятой задаче, перепутал знаки». Он пробежался по строчкам — и правда, напортачил. Зачеркнул решение, переписал, потом оглядел список заданий на доске и понял, что вполне может справиться с ещё одним уравнением. Быстро и небрежно перенёс цифры на лист, ускорился —

отдал работу одним из последних, но до звонка. Во время перерыва Аня куда-то убежала, поблагодарить её Тёма не смог, но как только они расселись по местам в кабинете биологии, он тронул соседку за локоть, заставив повернуться:

— Спасибо за помощь. Если бы не ты, я бы принёс тройбан, и родители устроили бы мне головомойку.

— Тебя что, сильно ругают за плохие оценки? — удивилась она. Артём помотал головой:

— Не особо, но мне всё равно не хочется выслушивать нотации. Да и обидно, если честно — я же вроде как умный, надо держать марку.

— То есть тебе самому было бы неприятно получить тройку? — Аня широко улыбнулась. — Мне тоже. В конце концов, школьная программа не такая уж сложная, даже в вашей «углублёнке».

— Значит, твоя старая школа была хуже нашей? — ответить она не успела: начался урок. На следующей перемене Аня подошла к Джульке — самой красивой девушке в классе. Они без труда зацепились языками, и у Артёма не получилось продолжить разговор с новенькой. Когда занятия закончились, Тёма рассмотрел Аню повнимательнее. Девушка и впрямь оказалась невысокой — метр шестьдесят, а то и меньше. Очков она не носила. Глаза у Ани были большие, светло-карие, волосы русые, с лёгкой рыжинкой, тонкие, но очень густые, длиной ниже лопаток. Кожа бледная, чистая, губы средней полноты, светло-розовые, без помады или блеска. Не доска, но и не колобок: талия заметная, ноги не короткие, спереди и сзади есть на что полюбоваться. Одета аккуратно и не вызывающе: кремовая блузка с бантом, прямые джинсы, чистенькие бежевые туфли на небольшом широком каблуке. Не стерва и не крыса: таких Джульбарс к себе не подпускает. Да и соседка из Шаниной терпимая — не крутится, не болтает, в беде не бросает. Артём решил быть с новенькой чуть полюбезнее — в конце концов, она не виновата, что родилась низкорослой левшой. Подружиться они, разумеется, не смогут, но мирно сосуществовать — вполне. А сейчас пора бежать — тренировка в пять, до неё надо поесть, собраться и сделать часть уроков.

Через две недели, двадцать третьего, наступила их очередь дежурить в классе. Вообще-то в школе была уборщица, однако директриса считала, что ученики должны хотя бы иногда прибираться сами, и выпустила соответствующее распоряжение. Тёмины родители подмахнули бумаги не глядя — не видели ничего плохого в трудовой повинности. Артём считал иначе, но его мнением никто не поинтересовался. После шестого урока он взял у охранника ключи, отпер кабинет, пропустил вперёд Аню. Она пристроила кожаный рюкзачок на парту и закатала рукава водолазки:

— Я не умею подметать, но с мытьём пола и доски справлюсь. Не возражаешь?

Тёма посмотрел на её руки:

— Не жалко кожу? Вода холодная, тряпка жёсткая и вонючая.

Девушка поёжилась:

— Жалко, но что поделать? Где тут ведро?

Он дошёл до шкафов, принёс всё необходимое, но не отдал:

— Подожди секунду, — сел на место классной, сгрёб со стола скрепку, разогнул и сунул в замок на дверце тумбочки. Внутри тихо щёлкнуло, дверца со скрипом открылась. — Так и знал, что она хранит его там.

Внутри стоял крохотный, на одну кружку, электрический чайник. Артём налил в него воды из-под крана и щёлкнул рычажком:

— Вскипятим пару таких, выльем в ведро, и тебе будет чуточку приятнее.

— Спасибо, — тихо проговорила она и покраснела. — Ты уверен, что Таисия Львовна ничего не заметит?

— Она берёт воду из того же крана. Если не будем полоскать в чайнике тряпки, никто ничего не заподозрит. Посиди здесь, я подниму стулья и подмету.

Он быстро управился со своей частью работы. Аня уступила место, бросила тряпки в тёплую воду.

— Начинать надо с последних парт, да? От окна или от двери?

— Сперва вымой доску. Ты что, никогда не убиралась?

— В школе нас не заставляли.

— А дома?

— Дома есть помощница по хозяйству. Она приходит раз в неделю.

— Ты дочь миллионера? — изумился Тёма. — А с виду не скажешь.

— Никаких богачей у меня в семье нет. У бабушки с дедушкой не всегда есть силы и время на уборку, поэтому они договорились с тёткой из соседнего подъезда.

— А мама с папой? А ты?

— Меня не просят — говорят, ещё успею наработаться. Мама с нами не живет, а своего отца я никогда не видела, — она отвернулась, опустила доску и провела по ней мокрой тканью. Артём почувствовал, как у него запыхали уши.

— Прости, пожалуйста. Я не знал. А братья или сёстры у тебя есть?

— Нет.

— Понятно. Насчёт мытья... Начинай от двери, чтобы потом не стоять у порога, а сесть на стол и спокойно дожидаться, когда всё высохнет. Если хочешь хорошо выжать тряпку, скрути её.

— Я в курсе.

Для первого раза у неё получилось неплохо. Закончив, Аня села рядом с ним на стол и заболтала ногами. Какое-то время они молчали, потом Тёма вспомнил о маминых словах:

— Ты носишь контактные линзы?

— Нет, с чего ты взял? У меня отличное зрение.

— Но ты же сидишь за второй партой.

— Это из-за роста. Я всегда была мелкой. Сейчас во мне сто пятьдесят девять сантиметров в длину, и я вряд ли вытянусь. Так и останусь коротышкой, — она посмотрела на свои ноги. — Обидненько.

Артём хмыкнул:

— Не понимаю, в чём проблема. У тебя нормальные пропорции и самый обыкновенный женский рост. Как говорится, «маленькие девушки созданы для любви...»

— ... «а большие — для работы». Я слышала эту поговорку миллион раз, и она мне не нравится — любви заслуживают все. А ты почему так близко от доски? Ты же не шуришься и довольно высокий. Сколько в тебе?

— Сто восемьдесят пять, — не преувеличил, а округлил. — Это давняя история. Когда только пошёл в школу, начал плохо себя чувствовать — апатия, головная боль, даже обмороки были. Меня положили в больницу, долго обследовали и выяснили, что причина в повышенном внутричерепном давлении. Почему так получилось, определить не смогли. Выписали с кучей рекомендаций, в том числе запретили сильно напрягать глаза. Так я и очутился во втором ряду.

— Вот оно что, — она потянулась и заглянула ему в лицо. — Получается, с возрастом это не прошло?

— Стало лучше, но не идеально. Я больше не теряю сознание, однако зависим от погоды и не могу сидеть за компьютером больше двух часов без перерыва.

— Вообще-то даже здоровому человеку надо отвлекаться от экрана каждые тридцать-сорок минут.

— Не вариант — я хожу в рейды, а это долгая история.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.